

РУССКИЙ ЯЗЫК В ОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

*Под общей редакцией
П. И. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО*

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

1

1 9 3 0

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ

Дети у Чехова

Л. Григорович

За последние годы целый ряд крупнейших русских писателей подвергся пристальному изучению. Грибоедов, Гоголь, Пушкин, Островский и др. прошли на общественном советском смотре (театр, критика, печать и школа). Строительный период революции побудил общественность нашу взяться за пересмотр установившихся, «общепринятых» взглядов на их творчество под углом зрения кардинальных проблем культурной революции.

Пересмотр потребовался не для того, чтобы решить, нужны нам они или нет (это давно принципиально решено), но главным образом потому, чтобы установить, что именно из творчества классиков сейчас может быть актуальным, жизненным, что приемлемо и что должно быть отвергнуто.

Чем могут быть полезны произведения больших мастеров слова в нашей борьбе за новую культуру, грамотность, за искоренение застарелых язв быта, — вот какой основной вопрос решается в настоящее время в отношении классиков. Эта работа не только не закончена, но она только еще начата. Нельзя забывать, что идейная «переоценка» классиков — процесс непрерывный и глубинный; он совершается в недрах масс не только усваивающих сейчас лучшее из доставшегося нам от буржуазии культурного наследства, но и перерабатывающих его так, как этого требует складывающаяся культура переходного к социализму общества.

Идет углубленная критика классиков не только посредством теорий, но и путем практики, «испытания» писателя в массах трудящихся, отбора лучших его произведений, распространения их и т. п. Возможность взять у классиков что-то общественно-ценное для сегодняшнего дня и для всего реконструктивного периода — главная пружина этого процесса переоценки.

Писатель дореволюционный, писатель буржуазного общества хотя бы и самый радикальный, если мы им интересуемся не в порядке академических изысканий, достоин внимания широчайших кругов трудящихся в том случае, когда его творчество близко и понятно людям труда, может помочь им в борьбе за лучшую жизнь, может раскрыть перед ними новые стороны их собственной личности, воспитать чувства ненависти, негодования, презрения по отношению к атрибутам старого мира и ко всему классово-враждебному.

Основное условие для приобретения писателем права гражданства, права сделаться «бытующим» в наших библиотеках, школах, рабфаках, театре и т. д., привлечь к себе общественное внимание заключается, во-первых, в том, чтобы произведения его имели отклик в современности (в том, что волнует и тревожит советское общество) и, во-вторых, помогали молодежи познать историческое прошлое страны, т. е. служили бы в качестве художественных памятников докапиталистического и капиталистического общественного строя.

Это самые общие наши требования к писателю-классику. Этими требованиями, несомненно, удовлетворяет Чехов, который у нас еще не получил полной оценки, не подвергся еще глубокому и всестороннему марксистскому изучению.

Наша цель — подвергнуть анализу лишь немногие произведения Чехова, группу его так называемых «рассказов о детях».

Большой и серьезный интерес у Чехова к детям не случаен. Детские темы в первых четырех томах существующего собрания его сочинений составляют значительное ядро, которое весьма цельно по своей общей установке: сказать взрослым всю неприглядную правду об их взаимоотношениях с детьми, изобразить своеобразность детского возраста, о чем успели позабыть люди, ставшие взрослыми. Чехов выполняет эту задачу таким образом, что делается близок современности, близок нашей революции с ее чрезвычайной заботой о детях трудящихся.

С другой стороны, в самом подходе писателя к своим темам мы находим близкий нам элемент материалистической трактовки событий жизни, изображение фактов в свете естественно-научной мысли. Вся группа рассказов Чехова о детях пропитана этим сознательным материалистическим взглядом на вещи. Здесь сказалось влияние образования (естественные науки) и профессии писателя (врач) на его творчество. Наконец, Чехов,

как выдающийся представитель реализма в литературе, никогда не изображал детей вне социальных связей, вне классового их бытия. Всюду в его рассказах даны многочисленные прямые и косвенные указания на условия жизни ребенка и его родителей, что позволяет читателям судить о той социальной обстановке, в какой развивается описываемый ребенок. Дети, про каких он пишет, — преимущественно дети городской бедноты (ремесленников, полупролетариев, низших чиновников) или крестьянские и интеллигентские дети.

Затронутые в рассказах Чехова темы злободневны и теперь (эксплуатация детей, детская религиозность, воспитание в семье и т. п.). Быт меняется медленно, и то, что было до революции, нередко имеет место и теперь: не исчезла «привычка» взрослых колотить детей, «рвать» уши, оставлять «без обеда», запереть в чулан, в ванну, — одним словом, применять всю ту изощренную градацию «исправительных» и «воспитательных» мер, против которых нашей общественностью ведется решительная борьба.

Громадная художественная сила писателя может и должна быть использована для дела культурной революции в области отношения широкой массы взрослых трудящихся к детям. В художественной литературе эта огромной социальной значимости проблема впервые поставлена Чеховым и разрешалась всей силой его таланта.

В борьбе за нового человека, выковывать которого призвана вся система коммунистического воспитания, Чехов вместе с нами. Его произведения и по настоящий день беспощадно и без промаха бьют прямо в цель. Чеховские типы и «герои», их быт, внутреннее содержание и внешнее обличье которого заклеил писатель, пережили своего создателя и перешли обременительным наследством к революционной эпохе. Это те «современники» революции, которые или стоят в стороне от нее, или упорно ведут с нами борьбу на всех фронтах советской стройки. Весьма часто это и идейные вредители, судорожно цепляющиеся за молодежь, стремящиеся заразить детей гнилым скептицизмом или мистицизмом, снабдить негодным для строительства социализма хламом понятий и представлений, вооружить враждебным революцию мироощущением. — словом, парализовать или затормозить всю работу советской школы по воспитанию борцов за коммунизм. И хотя сами по себе в отдельности эти люди жалки, но их старые «устои», весь уклад быта обволакивает сознание ребят, если этому не противопоставлено мощное воздействие современности.

В серии чеховских миниатюр перед читателями проходит вереница детских голов: стриженных, вихрастых, курчавых, светлых, рыженьких, темноволосых. Лица не стерты, каждый ребенок своеобразен, отличен от других детей. Чехов дифференцирует ребят; он неизменно указывает точный возраст своих персонажей, этим самым вызывая перед читателем их зрительный образ. Небольшой рассказ «Детвора» лучше всего передает отличный от круга взрослых замкнутый ребячий мирок. Рассказ застает детей играющими в лото. У каждого ребенка своя индивидуальность.

«Играет он (Гриша) исключительно из-за денег. Не будь на блюдечке копеек, он давно бы уже спал. Его карие глазки беспокойно и ревниво бегают по картам партнера... Выиграв, он с жадностью хватается за деньги и тотчас же прячет их в карман. Сестра его Аня, девочка восьми лет, с острым подбородком и умными блестящими глазами, тоже боится, чтобы кто-нибудь не выиграл, она краснеет, бледнеет и зорко следит за игроками. Копейки его не интересуют. Счастье в игре для нее вопрос самолюбия. Другая сестра, Соня, девочка лет шести, с кудрявой головкой... играет в лото ради процесса игры. По лицу ее разлито умиление. Кто бы не выиграл, она одинаково хохочет и хлопает в ладоши. Алеша, пухлый шаровидный карапузик, пытит, сопит и пучит глаза на карты. У него ни корыстолюбия, ни самолюбия. Н его гонят из-за стола, не укладывают спать — и на этом спасибо. По виду он флегма, но в душе порядочная бестия. Сел он не столько для лото, сколько ради недоразумений, которые неизбежны при игре. Ужасно ему приятно, если кто ударит или обругает кого. Ему давно уже нужно кое-куда сбегать,

но он не выходит из-за стола... боясь, чтобы без него не похитили его стеклышек и копеек... Пятый партнер — кухаркин сын, Андрей, черномазый, болезненный мальчик в ситцевой рубашке..., стоит неподвижно и мечтательно глядит на цифры; к выигрышу и к чужим успехам он относится безучастно, потому что весь погружен в арифметику игры, в ее несложную философию: сколько на этом свете разных цифр, и как это они не перепутаются».

Знают ли взрослые этот мирок, считаются ли с индивидуальностями? Как вырастает ребенок во взрослого человека, как прививаются ребенку болезни и искривления взрослого? На эти вопросы отвечает Чехов в ряде своих рассказов о детях.

* * *

В трех произведениях Чехова мы находим его замечания об отношении детей к «священной» собственности. Вот Гриша (2 года 8 месяцев)¹. Он действует с величайшей непосредственностью.

Ребенок прямолинеен в своих желаниях, свободен в своих поступках. Он спокойно берет апельсин, с уверенностью, что женщине на улице только приятно, если он возьмет у нее этот круглый оранжевый плод. Взрослым непонятен поступок Гриши. Они склонны накладывать свое «вето» всякий раз, когда естественные проявления ребенка выходят за пределы нормы, установленной социальной организацией взрослых. «Нельзя» — внушается в ударе по руке. Ребенка обучают на языке боли, и когда малышу хочется поднять сверкающее стеклышко, он боится, что и за это также будет «нельзя».

Равнодушие детей к деньгам показано Чеховым в уже цитированном рассказе «Детвора». Дети играют в лото. Деньги для них — элемент игры, не больше. Не даром Алеше стеклышки так же драгоценны, как монеты. Вот какая оценка происходит, когда к игре желает присоединиться подросток, не имеющий монеты соответствующего достоинства:

«Ставь копейку».

«У меня копейки нет, но есть рубль. Я ставлю рубль».

«Нет, нет... копейку ставь!»

«Дураки вы! Ведь рубль... дороже копейки».

«Нет, пожалуйста! Уходи».

Бумажный рубль для детей в игре не имеет притягательного интереса, а вот металлический кружок, как и стеклышко, полон глубокого смысла, пока он в игре. В конце рассказа содержится прямое указание Чехова на этот момент.

Игра оборвалась. Дети спят. «Возле них валяются копейки, потерявшие свою силу впредь до новой игры».

Попытки объяснить детям, что такое «собственность», вызвать благоговение к чужому имуществу у Чехова несостоятельны. В рассказе «Дома» отец объясняет сыну понятие собственности:

«У тебя есть лошади и картинки... Ведь я их не беру. Может быть, я и хотел бы их взять, но... ведь они не мои, а твои».

— Возьми, если хочешь, — сказал Сережа, подняв брови. — Ты, пожалуйста, папа, не стесняйся, бери. Эта желтенькая собачка, что у тебя на столе, моя. Но я ведь ничего... Пусть себе стоит.

— Ты меня не понимаешь. Собачку ты мне подарил, она теперь моя, и я могу с ней делать все, что хочу; но ведь табак у я не дарил тебе. Табак мой. («Не так я ему объясняю, — подумал прокурор. — Не то. Совсем не то».)

Последними словами Чехов заставляет прокурора уже признать насквозь фальшивым свое усердие, но прокурор продолжает.

«Становясь на почву логики, современный педагог старается, чтобы ребенок воспринимал доброе начало не из страха, не из желания отличиться, а сознательно», — думает прокурор».

¹ Чехов — «Гриша». Т. I, стр. 189. Изд. т-ва А. Ф. Маркс.

И его жестоко высмеивает Чехов. Он показывает, насколько бессильны вялые и худосочные рассуждения, когда говорят с детьми; до детей сухие, хотя бы и логичные, абстракции не доходят.

Но как же все-таки надо поступать? Как внушать детям положительные нормы поведения? Что отвечает на это Чехов? Выдвигает ли он что-либо положительное взамен отвергаемого? Вот что он заключает в мысль прокурора:

«Чтобы овладеть его (ребенка, Л. Г.) вниманием и сознанием, недостаточно подтасовываться под его язык, но нужно также уметь и мыслить на его манер. Он отлично бы понял меня, если бы мне в самом деле было жаль табаку, если бы я обиделся, заплакал... Потому-то матери не заменимы при воспитании, что они умеют заодно с ребятами чувствовать, плакать, хохотать... Логикой же и моралью ничего не поделаешь».

И практический опыт целиком оправдывает педагогическое открытие прокурора. Прокурор облакает свою мысль о вредности курения в образную форму и неожиданно для самого себя достигает результата. Даже прокурорская несложная художественная фантазия захватывает воображение мальчика, действует на его чувства.

«На Сережу вся сказка произвела сильное впечатление, опять его глаза подернулись печалью и чем-то похожим на испуг; минуту он глядел задумчиво... вздрогнул и сказал упавшим голосом: — Не буду больше курить...»

Чехов преднамеренно сделал отца Сережи прокурором, представителем законности. Он заставил его колебаться и сомневаться в поисках средства для того, чтобы отучить сына от курения, но блестящий результат не во всем его убеждает. Почему мораль и истина должны подноситься не в сыром виде, а с примесью? «Лекарство должно быть сладкое, истина — красивая», размышляет скептически настроенный прокурор, не вполне, однако, уверенный, действительно ли это так. А между тем прокурор неожиданно натолкнулся на прием «эмоционального» воздействия с помощью художественного вымысла, т.е. искусства. Искусство становится орудием воспитания, и орудием наиболее действительным. Чеховым дана мысль, все значение которой не вскрыто и до настоящего времени.

* * *

Рассказ «Дома» разрешается удовлетворяющим читателя финалом. Таких рассказов у Чехова немного. Большинство их рисуют уродливую картину отношений взрослых — родителей, воспитателей, мелких хозяйчиков — к детям.

Малыш Гриша, вернувшись домой, рассказывает маме, стенам и кровати, где он был и что видел. А вечером он никак не может уснуть. Мать не понимает возбуждения ребенка и на всякий случай вливает в его ротик лекарство: «Гриша, распеваемый впечатлениями новой, только что изведанной жизни, получает от мамы ложку касторки».

Взрослые, часто не задумываясь, проходят мимо явлений, означающих в жизни ребенка большие события: относятся к ребенку преступно небрежно и невнимательно: «...торчит перед глазами мальчик, а к чему он тут; какую роль играет — и думать об этом как-то не хочется». («Житейская мелочь»). То, что для взрослого человека лишь небольшая «житейская мелочь», для ребенка — душевный переворот. Писатель передает нам диалог «большого, серьезного человека» с маленьким 8-летним Алешкой.

— «Николай Ильич, простонал Алеша. — Ведь вы дали честное слово!»

— «Э, отстань! — махнул рукой Беляев. — Тут поважней всяких честных слов».

— «Послушайте, ведь вы частное слово дали! — проговорил Алеша, дрожа всем телом. Беляев... продолжал ходить... «и уже попрежнему не замечал присутствия мальчика».

«А Алеша... с ужасом рассказывал Соне (меньшей сестре — Л. Г.), как его обмывали. Он дрожал, занкался, плакал; это он первый раз в жизни лицом к лицу так грубо столкнулся с ложью».

Дети правдивы по природе, для них ложь — это то, «чему нет названия на детском языке».

* * *

Один из главных и «незаменимых» методов воздействия на детей — жуткая и бессмысленная порка. Провалился сын на экзамене. Измученная мать кричит:

— Мало я его била, мучителя моего. Бить бы нужно, вот что.

— Постой же! Я тебя выдеру!..

Это там, где нужда, где спину гнут и мучаются.

Несравнимо омерзительнее «Отец семейства» — Степан Степанович Жилин, на ребенке срывающий дурное настроение:

— «Погляди, как он сидит. Разве так сидят воспитанные дети? Сядь хорошенько!».

«Ешь! Держи ложку как следует».

«Не смей плакать! Гляди на меня прямо!»

Домашний деспот, третирующий всю семью, от крика распаляется все сильнее и сильнее:

«А-а-а... Ты плакать? Ты виноват, ты же и плачешь! Пошел, стань в угол, скотина! (Федя идет в угол). «Без обеда! Такие мерз... такие шалуны не имеют права обедать!»

— «Не реветь! Молчать! Да ты слышишь меня или нет? Хочешь, чтобы я тебя, подлеца втакого, высек?»

Распоясавшись в этой отвратительной сцене вся хамская натура мещанина, его беспримерная грубость в отношении ко всем, кто слабее и находится в зависимости от него. Так Чехов бичует застоявшийся, затхлый семейный быт. Произведения писателя о детях, популяризованные среди широких слоев населения, заставят многих задуматься над проблемой воспитания детей, многих толкнут к элементарным педагогическим и медицинским знаниям, и это улучшит каждодневное положение массового ребенка. Несомненно, что «репрессивное воспитание делает ребенка невротиком». Еще более глубокую психическую травму наносит детям неровное, невыдержанное отношение к ним, пример чего нам дан в «Отце семейства». Отец, фиглярничая, наигранно говорит мальчику: «После всего, что здесь произошло, вы с-свободны... Умываю руки»... и т. д. А на другой день, выпавшись, он распускает слякоть своих чувств, еще более обнажая разобщенность между собой и сыном.

«Ну, что, молодой человек? Что у вас нового, молодой человек? Живешь?.. Ну, иди, бутуз, поцелуй своего отца». Федя бледный, с серьезным лицом подходит к отцу и касается дрожащими губами его щеки, потом отходит и молча садится на свое место».

Попытки обывателя «воспитать» и «учить» своих детей самостоятельно, «по-своему», т.е. розгами, шипками, наказаниями, дикими криками и глупыми нотациями, подчинить их поведение своим причудливым вкусам приводят лишь к задержке ребят «на низшей стадии мозгового развития». Ребенок платит за насильственное воспитание серьезнейшим расстройством, оставляющим свой след на всю его дальнейшую жизнь. Сколько высокоценного, хорошего детского материала гибнет жертвой нелепой дрессировки, сколько мальчиков и девочек ежегодно являются задушенными в закорючлой среде, не способной развить заложенные в организме возможности к всестороннему усовершенствованию личности!

* * *

Чехов не только как писатель был весьма отзывчив на разнообразные проявления жизни, но ему как врачу были известны и скрыто про-

текающие для профанов психические процессы у взрослых и детей. Теперь известно, что очень маленькие дети абсолютно бесстрашны, если брать страх в том смысле, как понимала старая психология. Современные опыты Дж. Б. Уотсона (Watson) начисто опровергли сказку о том, что дети рождаются с инстинктивной боязнью темноты, огня и животных¹. И то, что экспериментально установил американский ученый, знал Чехов, когда писал своего «Гришу».

Мальчик гуляет с няней по улице и — «вдруг... слышит страшный топот. По бульвару, мерно шагая, двигается прямо на него толпа солдат с красными лицами и с банными вениками подмышкой. Гриша весь холодеет от ужаса».

Возникает первичная реакция на громкий звук, приостановка дыхания, спазм сосудов, объясняющих похолодание тела. Эта же эмоция страха легко может быть вызвана внезапным нарушением равновесия, потерей точки опоры, когда это для организма является неожиданным. Так находит свое объяснение то, что фрейдисты относят к темной области бессознательного, могущего стать новым прибежищем всякой мистики.

Чеховым весьма искусно вскрыт самый механизм возникновения детского страха. Алеша, крестьянский мальчик, впервые сталкивается с самоубийством человека («В сарае»). Он наблюдает тревогу и суету взрослых. «В окнах флигеля замелькали тени, похожие на танцующие пары. Раздались во дворе встревоженные голоса, торопливые шаги». Затем ему послышался «странный, вопиющий голос» (может быть, взвизгнули ржавые петли калитки, на что ранее мальчик не обращал внимания). Алеша испуганно поглядел на своего деда-кучера, потом на окна и вспомнил ласку умершего («он меня по голове погладил»). Ужас мальчика зарождается исключительно под депрессирующим влиянием взрослых, причем грусть о ласковом жилье и непонятность, необъясненность смерти являют благодарную почву для развития страха¹.

«Дед, кто это был сейчас? — Дед ничего не ответил.

«Царство небесное, вечный покой», — прошептал кучер и перекрестился. Глядя на него, Алеша тоже перекрестился».

Так с помощью механизма детской подражательности вырабатывается условная реакция на загадочное и волнующее явление жизни. В сарае рассказывается «страшная история» с воющим покойником. Мальчик находится в числе слушающих. Ему виден свет из флигеля. При упоминании о сыне, который «всю ночь под церковью воет», он вздрагивает и припадает лицом к спине кучера, «чтобы не видеть окон». Этот момент обращает на себя наше внимание. Чехов чрезвычайно близок к современному пониманию природы и возникновения страха. Наслушавшись бредней, Алеша не может заснуть. В саях ему не спится; он поднимает голову и глядит вокруг себя. «Сквозь щели дверей виден был свет все от тех же четырех окон». Быстро разрастается страх и захватывает моторную сферу ребенка.

«Алешка... выскочил из саней и, громко заплакав, подбежал к деду. Кучер тоже испугался.

«Воет!»

«Кто воет?»

«Страшно, дед!.. Слышь?»

«Это плачут».

«Я в деревню хочу...» — продолжал внук, всхлиывая и дрожа всем телом.

¹ Точно так же в рассказе «Страхи» (т. III, стр. 97) Чехов описывает три случая сильного страха, пережитого взрослым человеком от одного лишь неумения объяснить себе происходящее, найти его причины. Когда он, замечает Чехов, «путался в догадках, как муха в паутине», страх становился острее. Как только странное явление было объяснено... фантастичность его исчезла, страх пропал» (стр. 101).

«Экий дурак, а! Ну, молчи, молчи... Я фонарь засвечу...» Но свет не успокоил Алешку.

«Поедем в деревню, — просил он, плача. — Свези меня к мамке!»

Тревога и чувство страха передались мальчику от взрослых. Если внимательно всмотреться в художественную ткань рассказа, то легко видеть, почему страх мальчугана постепенно нарастает, овладевает им, окончательно подчиняет себе все его поведение. Непосредственные причины образования сложного условного рефлекса у Алеши — это: 1) световой раздражитель, ассоциированный со страшными разговорами, описывающими ужас других людей; 2) боязнь и неустойчивое поведение окружающих лиц, заражающие мальчика; 3) отсутствие матери, у которой он привык искать защиты.

Эти факторы и определили собой проявление боязни. Чехов прямо указывает на уродливое влияние взрослых людей (кучер сам боится темноты и предложением зажечь фонарь передает ребенку свою слабость),

* * *

Указания на связь у детей страха с религией имеются в рассказе «Случай с классиком». Перед экзаменом «Ваня Оттепелев перецеловал все иконы. В животе у него перекатывало, под сердцем веяло холодом, само сердце стучало, и замирало от страха перед неизвестностью». «Раз шесть подходил он к мамаше под благословение». «Идя в гимназию, он подал нищему 2 копейки, в расчете, что ему, бог даст, повезет в греческом языке». У Оттепелева установилась вера, убеждение, что для исполнения горячо желаемого бога непременно надо подкупить. Однако надежды забитого мальчугана терпят полнейший крах: он «проваливается» и его секут.

Но Чехов вскрывает перед читателями и другой характер детской религиозности. Вера у подростка непрочная, наносная, результат воспитания с соблюдением всей церковной обрядности. Прекрасно иллюстрируется это рассказом «На страстной неделе», ведущимся от лица Феи (9 лет), которого мать посылает на исповедь: «Прежде чем выйти из дома, насильно съедаю краюху белого хлеба, выпиваю два стакана воды». Фея хитро обходит церковное правило, так как голодать ему не хочется. «На улице совсем весна». «Проезжает извозчик... на задке его пролетки повисли два уличных мальчика. Я хочу присоединиться к ним, но вспоминаю про исповедь. И мальчишки начинают... казаться мне величайшими грешниками». Так происходит борьба между тем, что внушают в семье, и между требованиями живой, а религиозной натуры.

Фея в церкви. Под влиянием давящей мрачности сводов храма, где «солнце как будто умышленно минует... окна», развивается состояние приниженности, сознание своей бессильности и ничтожества, возникает желание самоунижения: «Я отвратительный бесчестный мальчишка» и т. п. Но депрессирующее влияние всей обстановки храма на ребенка и образовавшаяся у Феи реакция на комплекс, именуемый «церковью», в совокупности не могут противостоять прорыву в поведении мальчика. Фея вперед себя в очереди видит Митьку с «оттопыренными ушами». «Он первый пойдет за ширму. Во мне закипает злоба, я стараюсь не глядеть на него». Вспышка детского гнева, соперничество, объяснимое непрочностью условной реакции, меняется небольшим отвлечением внимания на даму и немым ее обожанием и мечтами о новых калошах: он весь во власти совершенно чуждых религии переживаний:

«Теперь очередь Митьки, но... я хочу пройти за ширму раньше его, я хочу быть первым... Заметив мое движение, Митя бьет меня свечой по голове, я отвечаю ему тем же, и полминуты слышится пыхтение и такие звуки, как будто кто-то ломает свечи... Нас разнимают».

Чехов настаивает на отсутствии всепоглощающего (т.е. серьезного) религиозного чувства у этих мальчиков. И неслучайными штрихами являются пренебрежение к атрибутам обряда (свечи), драчливость в церкви и посторонние мысли.

У Чехова дан художественный показ всего пути, проделываемого детьми под руководством вольных и невольных, невежественных и слепых пособников религии: от первого страха, через суеверие и предразсудки — к стойкой религиозности.

У Феди она выражается в стремлении поселиться в пустыне, «кормить медведей», «раздать имущество бедным, итти в Киев», «претерпевать мучения от какого-нибудь Ирода или Диоскура». Свои желания мальчик реализует в мечтах о подвижнической жизни, несомненно, навеянных церковью; более устойчиво это настроение у мальчика Лихарева («На путях»). Отчетливое выяснение причин этих явлений и местами юмористическое освещение явлений, описываемых писателем, дает основание думать, что Чехов может быть использован в советской школе в качестве активного антирелигиозника.

* * *

Социальная неустроенность работающих по найму детей привлекла внимание писателя. В царской России эксплуатация подростков разоряющимися мелкими хозяевами, кустарями, терпевшими крах под ударами крупного капиталистического производства, принимала самую жестокую форму. И по настоящие дни вопрос об экономической зависимости подростка не потерял своей остроты. И сегодня в нашей стране найдем мы детей, лишенных детства: ребят-пастухов, нянек, учеников, ремесленников, ребят, эксплуатируемых в семье. В деревне особенно трудно регулировать отношения нанимателей к подросткам, родителей к детям, и органы охраны труда не всегда осведомлены о положении ребят.

Бытовые условия жизни отданных «в люди» детей чрезвычайно неприглядны. Пьянство взрослых, побои, колотушки, ругань. Такая «сгущенная» атмосфера часто висит над ребенком. В ней хиреют трудящиеся дети, не знающие детства. В тесной связи с этим стоит вопрос о задержке и даже искривлении путей нормального развития ребят под влиянием преждевременного и непосильного труда. Подневольный, опостылевший, тяжелый труд с недостаточным отдыхом, несомненно, способствует более позднему переходу от детства к подростничеству и от него к юности.

Ваня пишет дедушке:

«А вчера мне была выволочка». «Хозяин выволок меня за волосы на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребенка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала мне в харю тыкать».

...«посылают в кабак за водкой».

...«хозяин бьет чем попадя».

...«А спать мне велят в сенях, а когда ребятенок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку».

...«меня все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу. А наемднн хозяин колодкой по голове ударил, так что я упал и насилу очухался».

В «Спать хочется» обрисована эксплуатация девочки-няни. Целый день ей не оставляют ни одной минуты отдыха. Беспрестанно дают поручения, непрерывно понукают, и это после ночи без сна.

— «Подай сюда ребенка!»

«Варька, затопи печку!»

«Варька, поставь самовар!»

«Варька, почисти хозяйину калоши!»

.. «Варька, помой снаружи лестницу!»

«Варька, сбегай, купи три бутылки пива!»

«Варька, сбегай за водкой! Варька, где штопор? Варька, почисти селедку!»

Обессиленная бессонными ночами, проведенными у люльки, заезженная тупыми людьми, девочка дремлет стоя:

«Голову тянет к столу, картошка рябит в глазах, нож валится из рук, а возле ходит толстая, сердитая хозяйка с засученными руками и говорит так громко, что звенит в ушах».

Переутомленного подростка одолевают все одни и те же сны:

«Шоссе, покрытое жидкой грязью. Люди с котомками на спинах разлеглись и крепко спят. Глядя на них, Варьке страстно хочется спать, она легла бы с наслаждением, но мать... идет рядом и торопит ее. Обе они спешат в город наниматься».

Весьма характерно в ее сне, что облака «кричат, как ребенок». Люди на шоссе ложатся в грязь спать, им мешают птицы на телеграфной проволоке, которые «кричат, как ребенок, и стараются разбудить их».

Сновидение Варьки не что иное, как заместительное образование не приятной действительности. Во сне она попадает в «родной дом», уходит от своей тяжелой жизни. Желания ощущаются как ближайшие возможные реализации. Сразу как-то все делается необычайно просто, понятно и доступно.

Идея убийства представляется находкой, чем-то таким необыкновенно ясным, что раньше не приходило в голову по какой-то злополучной случайности, упускалось из вида. Легкость свершения неотразимо притягательна, она манит быстрее достигнуть остро желаемого, она жжет и дразнит.

Навязчивая идея у Варьки по своему содержанию является «тоской по родине».

В немецкой литературе Ясперс (Jaspers) указывает на ряд случаев преступлений, совершенных под влиянием обострений «тоски по родине» (Heimwehreaction) женщинами-прислугами с низкой интеллектуальной организацией и примитивной психикой.

У Чехова пристальное внимание на эту реакцию (интуитивно им установленную задолго до научного ее открытия) обращено уже в рассказе «Ванька». Крестьянский мальчик, когда пишет письмо, также обращается в грезах наяву ко всему, что так или иначе скрашивает настоящую неприятную и тяжелую жизнь. Его мучает тоска. «Скука такая, что и сказать нельзя, все плачу», жалуется он дедушке, вокруг которого концентрируются все тяготения ребенка, лишенного родителей. Вся прежняя жизнь в деревне рисуется ему в светлых тонах. А так же «ученье» у сапожника крайне ненавистно, то возникает мысль: бежать к деду, «домой».

У Варьки ситуация гораздо сложнее. Зверинная эксплуатация в сочетании с изнурением от недосыпания доставляет обильную пищу ее тоске. Варька не отдает себе отчета в том, что совершает. Она не помышляет о сокрытии сделанного, не думает о спасении себя... Убить ребенка — это так просто; это означает лишь: «спать, спать, спать...» «Задушив его, она быстро ложится на пол, смеется от радости... и через минуту спит уже крепко, как мертвая».

Перед нами произведения огромной жизненной правды, насыщенные противоречиями социальной борьбы, частично не потерявшие и ныне своей художественной ценности. И, повидимому, они не утратят ее до тех пор, пока детский труд не перестанет быть наемным трудом, пока детский труд из объекта эксплуатации не превратится в средство образования и не станет необходимым элементом общественного воспитания.